

Ан. В. Гусев

**КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ОЛЕНЕВОДСТВОМ,
ПО МАТЕРИАЛАМ СВАТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ (НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ)**

УДК 903.2(571.121)

ББК 63.442.7(253.3)

В публикации представлены новые данные по истории происхождения оленеводства на севере Западной Сибири. Основой послужили находки из дерева, рога и кости северного оленя, полученные в ходе продолжающихся археологических раскопок на древнем святилище Усть-Полуй (I в. до н. э. — I в. н. э.). Приведено подробное описание следующих категорий находок: фрагментов древних нарт, двухчастных вертлюгов, наголовников, застежек-пясииков и пуговиц упряжи. Обосновывается принадлежность части предметов к набору именно оленьей упряжи и, соответственно, факт существования транспортного оленеводства уже на рубеже эр. Не отвергается и бытование древнего упряжного собаководства. Для понимания роли археологических артефактов приведены косвенные данные по этой проблеме и осуществлен краткий анализ исторической ситуации в регионе в раннем железном веке.

Ключевые слова: север Западной Сибири, ранний железный век, оленеводство, древняя упряжь, древнее святилище Усть-Полуй

К одной из главных форм традиционного хозяйства народов, заселяющих север Евразии, относится оленеводство. Территория эта столь обширна, а формы оленеводства столь разнообразны, что рассмотрение его специфических черт в каждой из частей этого мегарегиона заслуживает отдельного внимания. Западная Сибирь, а главным образом ее северная часть — Нижнее Приобье, — и в наши дни демонстрирует стабильное и даже прогрессивное развитие этой отрасли хозяйства у коренного населения региона (ненцы, ханты, коми, селькупы), ставя тем самым перед исследователями вопросы поиска истоков и закономерностей эволюции этого типа хозяйства.

Основоположниками в рассмотрении проблемы происхождения и развития оленеводства стали этнографы.¹ Вопросы развития оленеводства в целом и оленного транспорта в частности не обошел ни один из авторов, посвятив им, как правило, серию статей и раздел в обобщающей монографии. Таковы работы

Е. Д. Прокофьевой по тазовским селькупам, В. А. Козьмина — по оленеводству обских ургов, Л. В. Хомич — по ненцам, Н. В. Лукиной — по хантам, Е. Г. Федоровой — по манси и др. Скучные до последних десятилетий археологические данные играли роль лишь косвенного источника, подтверждавшего или опровергавшего уже сформулированную автором гипотезу. Причины тому кроются в большом временном разрыве между древними и этнографическими фактами, их видовыми различиями, обрывистости и фрагментированности данных археологии, не позволяющих заполнить должным образом лакуны создаваемой ретроспекции. Желанием частично восполнить имеющиеся пробелы посредством ввода в научный оборот новых археологических данных и вызвана эта публикация.

Археологические материалы и контекст. Артефакты, о которых пойдет речь, обнаружены при раскопках святилища раннего железного века Усть-Полуй (I в. до н. э. — I в. н. э.). Памятник расположен на правом коренном берегу р. Полуй — правого обского притока, — в черте г. Салехард (Ямало-Ненецкий автономный округ). В 1935–1936 гг. первые раскопки осуществил В. С. Адрианов; результаты его работ были введены в научный оборот В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской. В 1993–1995 гг. и с 2006 г. по настоящее время исследования проводятся сотрудниками Ямальской археологической экспедиции (ЯАЭ) под руководством Н. В. Федоровой и А. В. Гусева.

¹ См.: Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989; Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии // СЭ. 1970. № 6. С. 3–14; 1971. № 5. С. 37–52; Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961; Крушник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

Гусев Андрей Васильевич — с.н.с. сектора археологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард)
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) из раскопок 1935–1936 гг. ввиду продолжающегося ремонта фондохранилища остаются труднодоступными, и потому рассматривать можно только их опубликованную часть. Коллекции по результатам раскопок ЯАЭ хранятся в фондах Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского (г. Салехард) и могут быть представлены полностью.

Детали нарты. Первый фрагмент полоза был обнаружен при раскопках 1994 г. в северо-западной части памятника в заполнении древнего рва. Обломок прямой, хорошей сохранности, размерами 107,0 x 5,6 см, в сечении по форме напоминает сглаженную трапецию. Представляет собой хвостовую часть полоза. В нем прорезано два прямоугольных отверстия под копылья, усиленные в верхней части выступами высотой 2,5–3,0 см. Поверхность изделия заглажена. Еще один фрагмент аналогичного полоза был обнаружен в другой части заполнения рва в 2010 г. Его размеры составили 84,0 x 5,0 см (рис. 1, 1). Сохранилось лишь одно отверстие под копылю. Хвостовая часть закруглена.

Кроме полозьев, обнаружены шесть копыльев от нарты. Все они фрагментированы, сохранность существенно хуже. Размеры сохранившихся частей копыльев от 15,0 x 2,5 x 2,0 до 25,5 x 4,3 x 4,0 см. По форме все копылья однотипные, с утолщением в средней части и с прямоугольной прорезью под перекладину. Нижний конец копыльев имел клиновидные выступы для фиксации в полозе по высоте; в верхней сходящейся на клин части прорезано одно-два отверстия. Таким образом, усть-полуйские нарты достоверно можно характеризовать как прямокопыльные, с двумя, возможно тремя, парами копыльев. Длинные части полозьев не имели утолщений, в отличие от современных нарты. Размеры и другие отличительные особенности древних нарты реконструировать пока трудно, но можно отметить, что, наряду с повседневными нартами, известны и небольшие, имеющие, скорее всего, аналогичную конструкцию. Фрагмент полоза (34,5 x 3,0 см) со вставленным в него копылом (24,0 x 3,8 см) был обнаружен также в 2010 г. (рис. 1, 2). Все детали имеют следы износа и представляют собой вышедшие из употребления либо намеренно сломанные изделия.

Вертлюги. Общее количество частей вертлюгов составляет 173, включая 12 двухчастных

комплектов. Число комплектов, возможно, было больше, но при подсчете учтены лишь находки, обнаруженные в неразъемном положении *in situ*. Средние размеры изделий составляли в длину 4,0–6,0 см при диаметре стержня 0,6–1,0 см. Реже встречались экземпляры длиной до 8,0–9,0 см. Стержни вертлюгов в абсолютном большинстве случаев изготовлены из одинарных роговых пластин северного оленя.² Исключение могут составить лишь возможные случаи использования компактной части пластины рога лося для сравнительно мелких стержней. Один стержень, сохранившийся полностью, вырезан из листовенницы. На противоположном конце стержней прорезалось чаще по два (реже по одному) отверстия овальной формы, что обусловлено применением ножей с узким клиновидным лезвием, а также стиранием краев отверстий при трении кожаных ремешков.

Обнаруженные двухчастные вертлюги можно разделить по форме приемника на 4 типа, при этом гвоздевидная форма стержня оставалась неизменной. Первый, самый многочисленный (53 ед.), представлен плоскими подпрямоугольными, изредка округлыми, пластинами с пятью отверстиями; размеры от 3,3 x 2,5 x 0,6 до 8,0 x 5,0 x 1,0 см (рис. 1, 3). Центральное отверстие большего диаметра служило для закрепления стержня, боковые — для привязывания кожаных ремешков. Как исключение известна одна пластина из бивня мамонта, остальные выполнены из одинарных пластин рога северного оленя. Встречено несколько фрагментированных и незаконченных пластин из двойных роговых заготовок. Второй тип по форме приемника можно условно назвать «втульчатый». Известно 5 таких изделий, в том числе в комплектах. От плоских пластин они отличаются удлиненной втулкой и иным креплением для ремней, выполненным в виде ушек по двум сторонам (рис. 1, 4). Сырьем служили также одинарные роговые пластины северного оленя, в одном случае — лося. Конструктивно к ним близок третий тип Г-образных пластин, отличающихся наличием продолжающегося от втулки стержня с отверстием на конце. Размеры единственного изделия 8,8 x 2,2–0,6 см (рис. 1, 5). Аналогии известны в коллекции В. С. Адрианова. Наконец, четвертый тип —

² См.: Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск, 1997.

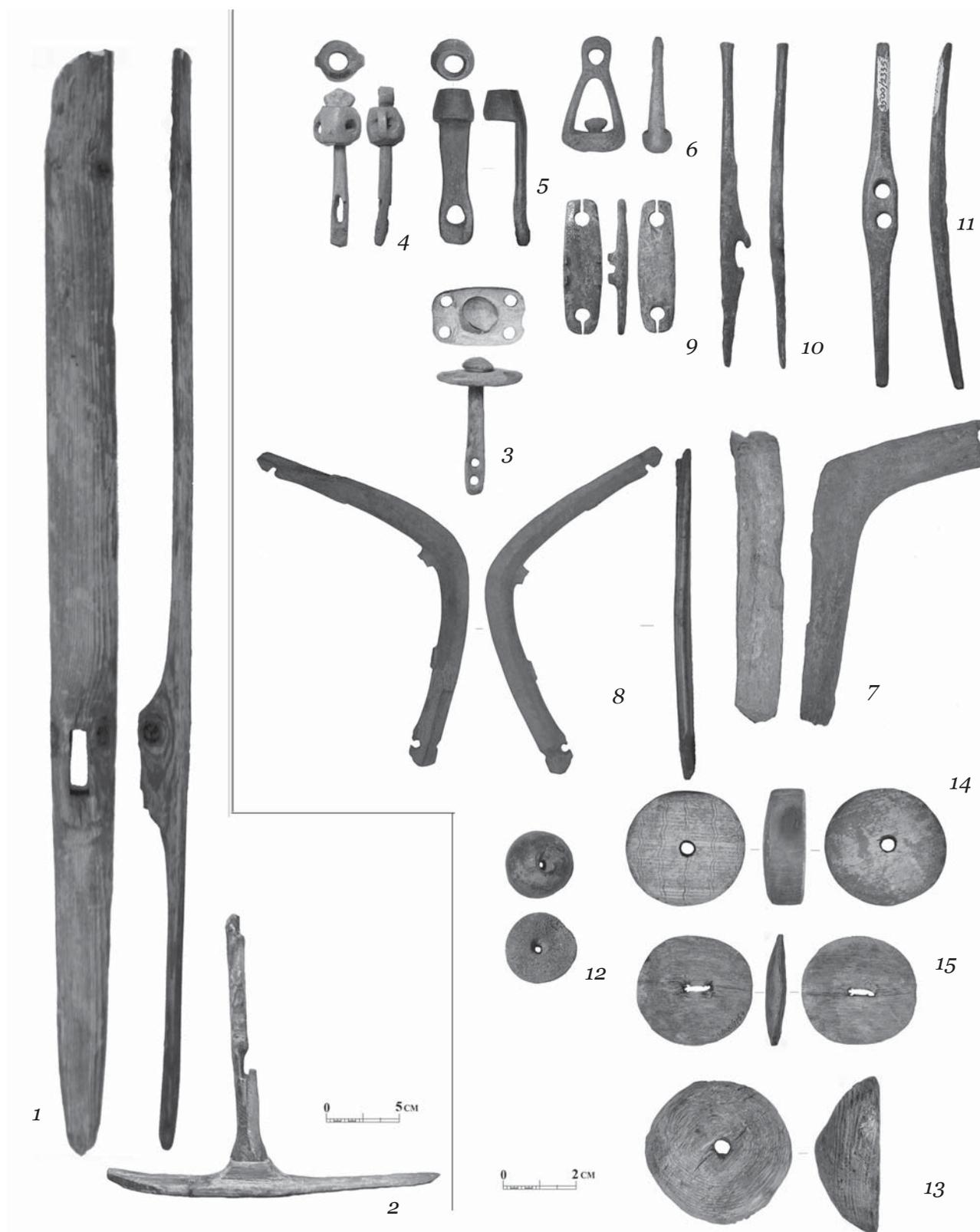

Рис. 1. Древнее святилище Усть-Полуй

1-2 — полозья и копыто нарт; 3-6 — вертлюги; 7-8 — наголовники; 9 — прямая налобная пластина; 10-11 — застежки-пояски; 12-15 — пуговицы упряжи. 1-2, 13-15 — дерево, 12 — кость, остальное рог оленя.

пластины, имеющие сложную подковообразную форму (рис. 1, 6). Размеры от 8,2х3,2 до 8,9х3,8 см. Изделия редки в коллекции (достоверно известно 3 ед.), имеют близкую к блоку упряжи форму, что затрудняет точное определение фрагментов. Технология изготовления и сырье (одинарная пластина рога северного оленя) во всех случаях те же.

Г-образные зубчатые пластины. Значительная часть этой категории находок представлена в коллекции В. С. Адрианова.³ В новой коллекции представлены две — целая и фрагментированная пластины (рис. 1, 7, 8). Размеры изделий 12,8х1,1 и 10,8х1,3 см. Сырьем для всех этих предметов служил рог северного оленя. Все известные пластины в сечении имеют уплощенную овальную форму либо вид сглаженного треугольника. Можно предположить, что это обусловлено особенностями заготовки и изготовления орудия. Для плоских изделий заготовка бралась с роговых пластин, с которых удалялось рыхлое губчатое вещество; для толстых Г-образных — с изогнутых частей закраин.

Прямые пластины с зубчиками. В. И. Мошинской опубликованы 3 такие пластины.⁴ В новых раскопках найден один экземпляр размерами 8,0х1,8х1,0 см (рис. 1, 9). Выполнен из отростка рога, путем продольного расщепления. При этом из средней части было удалено рыхлое губчатое вещество, а для парных клиновидных зубчиков оставлена компактная часть оболочки рога. По краям изделия прорезано два круглых отверстия ($d=0,7$ см) с пазами для заведения в них плоских ремешков. Для того чтобы ремешок не перетирался о края отверстий пластины, с внешней стороны прорезаны дополнительно желобки. Их поверхность, как и зубчиков, залощена от трения.

Застежки-пясички (рис. 1, 10, 11). Все известные застежки-пясички выполнены из одинарных роговых пластин северного оленя. Они представляют собой вытянутый стержень длиной до 12,0–13,0 см, расширяющийся в средней части, при этом образуется плоскость, в которой прорезано по 1–2 отверстия. Один раз встречены не отверстия, а выступающий зубчик в середине. В качестве исключения следует отметить один пясик из плюсовой кости, с круглым отверстием в центре. Все-

го в коллекции 1993–2013 гг. насчитывается 12 пясиков, из них целых — 4. Судя по сохранившимся экземплярам, у части длинных пясиков концы оформлялись в виде небольших головок, диаметром до 0,5–0,6 см. Трудно оценить функциональность этого элемента пясиков, не исключено, что он мог играть эстетическую роль. Кроме того, на 3–4 пясиках замечено, что один из концов оформлялся в виде шиловидного стержня, который мог использоваться для распутывания узлов.

В коллекции представлены и *пуговицы упряжи*. До недавнего времени на Усть-Полуе были известны 3 экземпляра, выполненные из округлых эпифизов крупных костей. Отсеченный эпифиз образовывал полусферу, в центральной части прорезалось сквозное отверстие ($d=0,6$ см) для продевания ремешка. Диаметр пуговиц составлял около 4,5 см, при высоте 1,7–2,0 см (рис. 1, 12). При расчистке заполнения древнего рва в 2010 г. удалось обнаружить и деревянные пуговицы. Одна из них размером 8,0х3,4 см и с отверстием в центре, полностью повторяла (при больших размерах) полусферические костяные аналоги (рис. 1, 13). Еще два изделия, уже дисковидной формы, возможно, могли служить застежками-пуговицами (рис. 1, 14, 15). Они имели плоскую форму, диаметр 5,7–6,2 см при толщине от 1,0 до 2,3 см. Одна из пуговиц украшена резным волнистым орнаментом с лицевой стороны, на другой — в центре оказалось два отверстия.

Еще одна группа предметов упряжи — *роговые кольца в виде шайбы или цилиндра* с отверстием в центре. Диаметр находок — 3,0–3,5 см, толщина — 0,7–1,1 см. Сырьем служила одинарная роговая пластина северного оленя. Для придания большей толщины изделиям губчатое вещество не удалялось с заготовки полностью. Поверхность изделий залощена, что свидетельствует о трении о мягкие материалы. Эти предметы могли быть застежками упряжи.⁵ Но не исключено, что они могли служить навершиями деревянных шестов-хореев, использовавшихся для понукания тягловых животных.

В коллекции из раскопок Усть-Полуя есть еще одна группа предметов упряжи — *блоки*. В обиходе современных оленеводов блоки применяются в двух случаях — для распределения тяглового усилия при креплении тяжей

³ См.: Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. М., 1953. № 35. С. 81, табл. IV.

⁴ Там же.

⁵ См.: Хомич Л. В. Ненцы. СПб., 1995. С. 120, рис. 22.

к карте и на арканах для ловли оленей. Целые блоки в раскопках 1993–2013 гг. не обнаружены, но есть фрагменты двух блоков. Изготовлены они из одинарных роговых пластин, размеры сохранившихся частей 5,5x2,2x0,9 и 9,0x3,8x1,1 см. Поверхность изделий залощена от продолжительного использования. О применении блоков древним населением свидетельствуют целые экземпляры из коллекции В. С. Адрианова, опубликованные Н. А. Алексашенко.⁶

Предметы из рога встречались повсеместно в культурном слое, деревянные же изделия сохранились только в заполнении древнего рва.

Автор первых стационарных раскопок на Усть-Полуе В. С. Адрианов, представляя первые результаты своих исследований, отнес вертлюги к элементам собачьей упряжи.⁷ В. И. Мошинская, опубликовавшая описание усть-полуйской коллекции из его раскопок, также отнесла вертлюги к собачьей упряжи, сославшись на материалы американского исследователя карибу-эскимосов К. Биркет-Смита.⁸ Г-образные и прямые пластины с зубчиками и отверстиями либо выемками на концах В. И. Мошинская интерпретировала как детали оленьей упряжи, но предназначенные для оленя-манщика.⁹ Далее она, сославшись на точку зрения А. М. Золотарева и М. Г. Левина о невозможности сосуществования оленеводства и собаководства в рамках одного поселения, полностью исключила оленеводство из сферы хозяйства древнего населения Усть-Полуя. Свою гипотезу В. И. Мошинская аргументировала также наличием скульптурного изображения упряжной собаки на роговой рукояти ножа и обнаруженным В. С. Адриановым скоплением собачьих черепов.¹⁰

Постановка проблемы. Перечисленные выше артефакты, без сомнения, демонстрируют наличие у оставившего Усть-Полуй населения сформировавшегося комплекса предметов упряжи. В том, что это действительно упряжь, вряд ли стоит сомневаться, даже если в представленном наборе артефактов отсутствуют, пожалуй, главные, с позиции этно-

графа, элементы: ремни, потяги, вожжи. На сегодняшний день существуют и отличные от взглядов В. И. Мошинской точки зрения, в частности о возникновении оленеводства уже в усть-полуйское время и об отнесении части находок к оленьей упряжи.¹¹

Располагая несколько большим, чем прежде, набором артефактов, результатами новейших исследований памятника, можем поставить вопрос: только ли собака использовалась в качестве транспорта оставившим Усть-Полуй населением? Есть ли прямые или косвенные данные о существовании оленеводства в раннем железном веке — средневековье на севере Западной Сибири?

Обсуждение. В свете новых данных, полученных в ходе раскопок и анализа материалов Усть-Полуя, уместно привести контраргументы тезисам В. И. Мошинской. Во-первых, факт обнаружения скопления собачьих черепов, на некоторых из которых фиксируются пробитые отверстия, не может однозначно характеризовать собачий транспорт как единственно возможный в культуре усть-полуйцев. Помимо всего прочего, этот факт свидетельствует о том, что собака была жертвенным животным и что обращались с ней в соответствии с определенными ритуалами. Во-вторых, интерпретация изображения на роговой рукояти ножа как собаки в упряжи не так уж убедительна. С гораздо большей вероятностью можно соотносить это скульптурное навершие с изображением пушного зверя. К слову, две рукояти, роговая и бронзовая, с весьма похожими изображениями известны из современных раскопок, причем признаков упряжи на них не просматривается. В-третьих, идея В. И. Мошинской о невозможности сосуществования различных видов транспорта в границах локальной группы населения базировалась на понимании Усть-Полуя как поселенческого памятника. Да и сам этот тезис позднее был опровергнут Н. В. Лукиной на примере юганских хантов. В новейшей интерпретации исследователей площадка Усть-Полуя служила местом древнего святилища, которое, судя по представленному набору артефактов, посещалось жителями весьма обширных территорий Приуралья и Приобья. В таком случае

⁶ См.: Алексашенко Н. А. Костяные изделия Усть-Полуя из собрания МАЭ РАН (результаты трасологического изучения) // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2006. Вып. 1. С. 287, рис. 3:1, 2.

⁷ См.: Адрианов В. С. Раскопки у Сале-харде в 1935 г. // СА. 1936. № 1. С. 278.

⁸ См.: Мошинская В. И. Указ. соч. С. 84.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ См.: Федорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 54–66; Алексашенко Н. А. Указ. соч. С. 265–301; Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.

здесь нельзя исключать и возможности смешения находок, принадлежащих к различным видам транспорта, как к собачьему, так и к оленьему.

В связи с дискусионностью проблемы оленеводства в усть-полуйское время, обсуждаемой и ныне,¹² представляется уместным детально рассмотреть новые артефакты и еще раз обратиться к уже опубликованным усть-полуйским находкам.

Нарты, судя по обнаруженным фрагментам, имели прямокопильную конструкцию. Количество пар копыльев составляло 2, максимум 3; в разрезе нарта имела вид прямоугольника, а не трапеции, что характерно для косокопильных нарт. В обиходе у населения были нарты различные по размеру, но единой конструкции. Определенное сходство усть-полуйские детали нарт имеют с нартами восточных ханты, распространенными у правобережных групп.¹³ Н. В. Лукина отнесла указанную нарту к типу ручных, отметив, впрочем, сходство, с одной стороны, с «местной грузовой оленьей нартой (при меньших размерах), а с другой — с ездовой собачьей нартой».

О принадлежности усть-полуйских вертлюгов, напомним, существует две различные точки зрения: В. И. Мошинская отнесла их к элементам собачьей упряжи; Н. А. Алексашенко допускала применение вертлюгов в оленьей.¹⁴ В пользу второго мнения говорят некоторые наблюдения. Во-первых, заключение Н. А. Алексашенко основано на трасологическом анализе не только вертлюгов, но и Г-образных пластин и блоков, подтвердившем сходство следов от использования, обнаруженных на них, с этнографическими аналогами. Во-вторых, универсальный характер вертлюгов делает возможным их широкое использование. Так, деревянные и железные вертлюги разных размеров, по мнению Б. А. Колчина, широко применялись в быту русского средневекового населения.¹⁵ На раскопках в Новгороде были обнаружены вертлюги из слоев XII–XIV вв., использовавшиеся

в содержании соколов для охоты.¹⁶ Однако, как ни удивительно, применение вертлюгов в современной оленьей упряжи практически не получило отражения в этнографических источниках. Так, например, в «Историко-этнографическом атласе Сибири» вертлюгам нашлось место только для иллюстрации собачьей упряжи.¹⁷ Не упомянуты вертлюги и в основополагающей монографии Л. В. Хомич «Ненцы», тогда как при внимательном рассмотрении на одной из фотографий в переиздании 1995 г. можно увидеть металлический вертлюг под шеей передового оленя.¹⁸

В наши дни вертлюги повсеместно используются в оленьей упряжи кочевниками-ненцами, о чем свидетельствуют не только собственные наблюдения автора, но и многочисленные фотографии современных упряжек.¹⁹ Таким образом, не отрицая возможного применения обнаруженных на Усть-Полуе вертлюгов в собачьей упряжи или в иных целях, полагаю, что в равной мере есть основания считать часть артефактов принадлежностью набора оленьей упряжи.

К спорным относится и вопрос принадлежности Г-образных пластин усть-полуйской коллекции. В. И. Мошинская, хотя и отметила их сходство с частями упряжи у тунгусов и чукчей, знакомых с оленеводством, всё же отнесла их к набору оленя-манщика. Н. А. Алексашенко же относил их непосредственно к упряжному набору транспортного оленя. Следует признать к тому же, что подготовка оленя-манщика требует длительного времени и навыков, никак не меньших, а скорее больших, чем подготовка ездового.

Роговые и костяные пластины для тренировки оленей представлены в «Историко-этнографическом атласе Сибири», еще больший набор их был собран Ю. Б. Симченко.²⁰ Сходство подобных предметов с усть-полуйскими и их генетическую связь подметил в свое время еще С. И. Вайнштейн.²¹ При внимательном

¹² См.: Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш, П. А. Косинцев, Т. В. Лобанова. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013. С. 324.

¹³ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985. С. 111, рис. 8, 1.

¹⁴ См.: Мошинская В. И. Указ. соч. С. 84; Алексашенко Н. А. Указ. соч. С. 282.

¹⁵ См.: Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. 1968. Вып. Е1-55. С. 78, табл. XLII.

¹⁶ Федоров В. М., Матехина Т. С., Осипов Д. О. К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Зап.ИИМК. 2001. № 6. С. 205, рис. 2, 5–7.

¹⁷ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 74, табл. III, 1, 2.

¹⁸ Хомич Л. В. Указ. соч. С. 110–121, рис. 23.

¹⁹ См.: Сухановский А. Ф. Оленные люди. Архангельск, 2009. С. 5, 25, 259.

²⁰ См.: Историко-этнографический атлас Сибири. С. 21, рис. 12; Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 98, рис. 2.

²¹ См.: Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 123, 124.

рассмотрении рисунков в атласе и сравнении их с усть-полуйскими находками заметно существенное различие этих предметов. Во-первых, известные по публикациям пластины для дрессировки имеют частые и весьма длинные зубцы.²² Это понятно, если принять во внимание их предназначение — ощутимую болевую передачу команды дрессируемому оленю. Если учесть, что такая пластина находилась на затылке животного, то частые зубцы вполне оправданны. Другое дело усть-полуйские пластины. Во-первых, зубцы на них куда короче, их меньше и расположены они заметно реже. На экземпляре из нашей коллекции два крайних из трех шипов стерлись от длительного использования (рис. 1, 8). Во-вторых, этнографические экземпляры имеют, как правило, дуговидную или, чаще, прямую форму внутренней рабочей части. Даже те два из них, которые можно было бы отнести к угловым, имеют куда более открытую форму (более 90°), чем привычные налобники. По-иному выполнены усть-полуйские артефакты — с обязательным сопряжением под углом, близким к прямому, и вытекавшим отсюда расположением на лбу животного. Положение на затылке оленя с опорой на концы делало бы такие налобники практически бесполезными. Тем самым приведенные наблюдения сближают древние пластины куда больше с современными налобниками, чем с орудиями для дрессировки оленя.

В комплекте с древним налобником шли вытянутые прямоугольные или овальные пластинки с 4–6 зубьями. В. И. Мошинская относила их то к деталям упряжи, то к ледовым подковкам.²³ Н. А. Алексахенко уверенно считала их деталями оленьей упряжи.²⁴ Кроме трасологических данных, о принадлежности пластин к упряжи говорят и конструктивные особенности. Усть-полуйские прямые пластины предполагают крепление зубцами внутрь, поскольку ремешок крепления располагался с внешней стороны, тогда как ледовые подковки ориентировались зубцами вниз, к скользкому льду. Наконец, прямые пластины, правда, гладкие, широко используются в современной упряжи кочевников-оленевонов. В «Историко-этнографическом атласе Сиби-

ри» в комплекте ненецкой упряжи у ведущего оленя представлены две симметричные Г-образные налобные пластины.²⁵ На самом деле нередки случаи применения прямой пластины в паре с Г-образным наголовником:²⁶ прямая пластина располагалась с левой стороны лба оленя, тогда как Г-образный налобник крепился справа. В оленьей упряжи современных оленеводов используются как длинные, так и короткие пластины.²⁷ Таким образом, усть-полуйские пластины — это не что иное, как детали оленьей упряжи, все отличие которых от современных сводится лишь к наличию зубцов на внутренней стороне.

Обязательной составляющей упряжи были застёжки-пясички (иногда их называют кляпами) и пуговицы. Этот элемент конструкции отвечал в первую очередь за удобство в эксплуатации, поскольку простое связывание ремней непременно вело к затягиванию узлов, смерзанию на холоде и т. д. Усть-полуйцы, судя по имеющимся данным, применяли роговые, реже — костяные, пясички и костяные либо деревянные пуговицы.

Застёжки-пясички, как и вертлюги, являлись универсальными элементами и могли применяться как в оленьей, так и в собачьей упряжи. В собачьей — пясички использовались при креплении постромка к потягу.²⁸ В оленьей упряжи, имеющей более сложную конструкцию, застёжки-пясички могли быть задействованы в самых различных соединениях.²⁹ Можно с осторожностью предположить, что длинные пясички из нашей коллекции могли скреплять широкие спинные или грудные ремни оленьей упряжи с более тонкими ее частями. Каким образом такие орудия можно было применять в собачьей упряжи — трудно представить. Использование их на корпусе собаки, которая по природе гибка, на отдыхе свертывается в кольцо и т. д., вряд ли уместно. Длинные стержни могли травмировать собаку, тогда как на корпусе оленя применение таких стержней-пясиков выглядит вполне правдоподобным.

Похожая картина складывается и в отношении пуговиц. Их не найти в известных нам образцах собачьей упряжи, поскольку она,

²² См.: Симченко Ю. Б. Указ. соч. С. 98, рис. 2.

²³ См.: Мошинская В. И. Указ. соч. С. 81, табл. IV; Она же. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. 1965. Дз-8. С. 21, 22.

²⁴ Алексахенко Н.А. Указ. соч. С. 288.

²⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 13, рис. 3б.

²⁶ См.: Сухановский А. Ф. Указ. соч. С. 25.

²⁷ См.: Мошинская В. И. Материальная культура... С. 81, табл. IV, 1, 6, 7.

²⁸ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 66. Табл. I, 2, 3.

²⁹ Хомич Л. В. Указ. соч. С. 120, рис. 22.

как правило, шилась под размеры конкретной особи. Собаки послушны человеку, поэтому упряжь на нее можно просто надеть через голову. Иная ситуация наблюдается в обращении с оленями, которых в упряжке несколько, при этом запрягаются попеременно разные особи. Оленья упряжь изначально универсальна по размеру. После отлова оленя упряжь буквально «собирается» на корпусе животного посредством скрепления ремней застежками-пясиками и пуговицами. Упряжь оленя конструктивно более сложна и состоит из отдельных частей. Потому не удивительно, что современные экземпляры так насыщены жесткими составляющими. Число пуговиц одной упряжи может достигать десятка, правда сырьем в настоящее время все чаще служат куски пластиковых труб.³⁰

В пользу появления и широкого распространения оленеводства свидетельствуют как прямые данные (детали упряжи Усть-Полюя), так и косвенные, в частности изображения на роговых ложках Усть-Полюя голов жертвенных оленей, где представлены в большинстве только головы в ошейниках с открытым ртом и высунутым языком (это жертвенное удушение, такое же, как и при современных обрядах).

Важным для понимания роли археологических артефактов является общий анализ исторической ситуации в регионе. Очень удачно, как представляется, такое обобщение было сделано Н. В. Федоровой.³¹ Автор на основе множества разрозненных фактов смогла точно уловить новые эпохальные перемены, начавшиеся около рубежа эр. Эти явления, краткая характеристика которых обозначена Н. В. Федоровой как «унификация и прогресс», стали определяющими для всей эпохи железа Западной Сибири. Появление кладов импортных предметов, городищ, боевого оружия и, в целом, единой материальной культуры внутри гигантской территории кулайской общности, расширение ареала таежного населения на юг — все это стало результатом перемен в жизни древнего населения, в частности применения нового вида транспорта.

Для решения проблемы «собаководство или оленеводство» большое значение могли

бы иметь данные палеозоологии. Однако отделить кости домашнего оленя от дикого на сегодняшний день объективно невозможно. Домашние олени так и не приобрели физиологических отличий от своих диких родственников. В случае с собаками, казалось бы, картина должна быть иной. По различным этнографическим данным известно, что ездовые собаки должны строго соответствовать определенным физиологическим параметрам (размер в холке, вес, подшерсток и т. д.). Собаки современных оленеводов принадлежат к самостоятельной породе оленегонных лаек, отличающихся сравнительно мелкими размерами и вытекающей отсюда полной непригодностью к использованию в упряжи. К сожалению, палеозоологические коллекции Усть-Полюя не дают на сегодняшний день однозначного ответа. В «Истории Ямала» авторы раздела по древнему хозяйству региона П. А. Косинцев и Н. А. Алексашенко отметили: «...судя по размерам костей, в раннем железном веке и средневековье на севере Западной Сибири разводили некрупных собак, напоминающих современную лайку оленегонной породы».³² Неоднозначность ситуации и параметров костяков позволила П. А. Косинцеву не исключать и транспортного использования собаки.³³

Этнографические реконструкции весьма аргументированно определяют сегодня глубокую древность существования упряжки, в которую запрягались собаки. Однако необходимо привести и ряд замечаний. Западная Сибирь по своим природно-географическим условиям не входит в зону распространения упряжного собаководства в его привычном понимании. Классическое собаководство, с его особой системой отбора животных, тренировок на дальних расстояниях, характерно в первую очередь для прибрежных культур с большой долей рыбного или морского промысла, что связано с системой питания собаки. В западносибирских условиях собаководство так и осталось в неразвитом состоянии. Даже тип ранней западносибирской собачьей упряжи, запечатленный Н. Шаховым, с ее тазовой петлей не пригоден для долгих перегонов.³⁴ Уместно вспомнить русские письменные источники с описанием похода 1499 г. кня-

³⁰ См.: Сухановский А. Ф. Указ. соч. С. 5, 25 и др.

³¹ См.: Федорова Н. В. Призраки и реальности Ямальской археологии // РА. 2002. № 2. С. 99–110; Она же. Каслание длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2006. Вып. 14. С. 149–156.

³² История Ямала. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010. С. 164.

³³ См.: Историческая экология... С. 324.

³⁴ См.: Историко-этнографический атлас Сибири. С. 57.

зей П. Ф. Ушатого и С. Ф. Курбского в Югру: «встретили обдоряне на оленях, а рать на собаках». Можно привести и строчки из сказания «О человеце незнаемых в восточной стороне»: «А ездят (каменная самоедь) на оленях и собаках».³⁵ Езда на собаках, безусловно, была известна таежным рыбакам и охотникам, совершавшим переезды на сравнительно небольшие (до промысла) расстояния. Такие хозяйства располагали необходимыми рыбными ресурсами и способны были тратить на содержание «упряжки в 5–7 собак 10–14 кг рыбы в день».³⁶

Таким образом, обнаруженные на Усть-Полуе артефакты (значительная часть вертлюгов, наголовники, застёжки-пясики и пуговицы), по мнению автора, могут быть достоверно отнесены к предметам оленьей упряжи.

Безусловно, охотничья собака использовалась с глубокой древности, как в качестве помощника, так и в качестве самостоятельной тягловой силы. Однако ареал распространения транспортного собаководства заканчивался там, где начинались открытые участки

лесотундры и тундры без крупных рек и озер, где главным объектом промысла становился северный олень. Здесь начиналась трансформация собаки из охотничьей, «по совместительству» транспортной, в пастушескую, а средством передвижения за кочующими дикими стадами становились прирученные олени, запряженные в нарты. С началом средневековья оленеводство прочно укрепилось в местной среде, что позволило осваивать просторы Ямальской тундры. К XVII–XVIII вв. транспортное оленеводство вышло на новый уровень, именуемый сегодня «крупностадным». Эта долгая история сопровождалась эволюцией хозяйства, социального уклада, поведения оленей, физиологии собак, в конце концов, самого человека. Трансформация проявилась в иной форме нарт (более массивных, с набором косых копыльцев), наголовников (без зубчиков, в паре с нащечниками), вертлюгов (уже не роговых, а бронзовых или железных). Неизменным остался, пожалуй, лишь необходимый повседневный набор орудий оленевода.

Andrey V. Gusev

Senior researcher, Scientific Research Center of the Arctic (Russia, Salekhard)

E-mail: gusev_av2004@mail.ru

REINDEER HERDING COMPLEX FROM THE UST-POLUY (LOWER OB REGION) SACRED PLACE SITE

The publication presents new data on the history of reindeer herding origin in the north of Western Siberia. The study focused on wooden, antler and bone items found during the ongoing archaeological excavations on the ancient sacred place Ust-Poluy (1st century BC – 1st century AD). The paper contains a detailed description of the following finds categories: fragments of ancient sleds, two-part swivels, shaffrons, clamps-fasteners, and harness buttons. The authors provide arguments in favor of at least part of the items belonging to a reindeer harness set and, hence, the fact of the existence of transportation deer herding already at the turn of the eras. The existence and use of the ancient draught dog breeding is not denied either. General understanding of the role of archaeological artifacts is supported by indirect data on the subject together with the brief analysis of the historical situation in the region during the early Iron Age period.

Key words: *north of Western Siberia, Early Iron Age, herding, ancient harness, the ancient sanctuary of Ust-Poluy*

REFERENCES

- Adrianov V. S. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archaeology), 1936, № 1, p. 278. (in Russ.).
 Aleksashenko N. A. *Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery* [Code of archaeological sources Kunstkamery]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2006, Issue 1, pp. 265–301. (in Russ.).

³⁵ Цит. по: Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. С. 85.

³⁶ Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 288.

- Borodovskiy A. P. *Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n. e. — pervaya polovina II tys. n. e.)* [Ancient bone-cutting deal south of Western Siberia (the second half of the II millennium BC — first half of the II millennium AD)]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 1997, 224 p. (in Russ.).
- Fedorov V. M., Matekhina T. S., Osipov D. O. *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury* [Notes of the Institute of history of material culture], 2001, № 6, pp. 199–211. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Drevnosti Yamala* [Antiquities Yamal]. Ekaterinburg; Salekhard: UrO RAN Publ., 2000, pp. 54–66. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian Archaeology), 2002, № 2, pp. 99–110. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Ural'skii istoricheskii vestnik* (Ural Historical Journal), 2006, № 14, pp. 149–156. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh folklore* [Nomads of Tundra: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, 334 p. (in Russ.). (in Russ.).
- Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1961, 497 p. (in Russ.).
- Istoriya Yamala* [History Yamal]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2010, Vol. 1, Book 1, 416 p. (in Russ.).
- Khomich L. V. *Nentsy* [Nenets]. St. Petersburg: Russkiy Dvor Publ., 1995, 336 p. (in Russ.).
- Kolchin B. A. *Novgorodskie drevnosti. Derevyannye izdeliya* [Novgorod antiquity. Woodwork]. Moscow: Nauka Publ., 1968, 182 p. (in Russ.).
- Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethno ecology]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 272 p. (in Russ.).
- Lukina N. V. *Formirovanie materialnoy kultury khantov* [Formation of the material culture of the Khanty]. Tomsk: TomGU Publ., 1985, 364 p. (in Russ.).
- Moshinskaya V. I. *Arkheologicheskie pamyatniki severa Zapadnoy Sibiri* [Archaeological sites in northern West Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1965, 88 p. (in Russ.).
- Moshinskaya V. I. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR]. Moscow: AN SSSR Publ., 1953, № 35, pp. 72-106. (in Russ.).
- Perevalova Ye. V. *Severnnye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khants: ethnic History]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, 414 p. (in Russ.).
- Pliguzov A. I. *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [Text-kentavr the Siberian samoed]. Moscow: Nyutonvil. Arkheograficheskiy Tsentr Publ., 1993, 160 p. (in Russ.).
- Shnirelman V. A. *Vozniknovenie proizvodnyashchego khozyaystva* [The emergence of productive economy]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 447 p. (in Russ.).
- Simchenko Yu. B. *Kultura okhotnikov na oleney Severnoy Yevrazii. Etnograficheskaya rekonstruktsiya* [Culture deer hunters in North Eurasia. ethnographic reconstruction]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 311 p. (in Russ.).
- Sukhanovskiy A. F. *Olennye lyudi* [Reindeer people]. Arkhangelsk: SK-Rossiya Publ., 2009, 343 p. (in Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev. Problemy kochevogo khozyaystva* [Historical ethnography Tuva. Problems nomadic economy]. Moscow: Nauka Publ., 1972, 314 p. (in Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1970, № 6, pp. 3–14; 1971, № 5, pp. 37–52. (in Russ.).
- Vizgalov G. P., Kardash O. V., Kosintsev P. A., Lobanova T. V. *Istoricheskaya ekologiya naseleniya severa Zapadnoy Sibiri* [Historical ecology of the population of the north of Western Siberia]. Nefteyugansk; Ekaterinburg: AMB Publ., 2013, 376 p. (in Russ.).